

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

В. Г. ФЕДОТОВА

Человеческий капитал, персональная модернизация и проблема развития человека*

Бурные социальные трансформации в посткоммунистических обществах, развитие индустриальных обществ в Азии, постиндустриальные изменения на Западе потребовали от человека во всех этих регионах серьезных изменений — приспособления к быстрым переменам, овладения новыми производственными, экономическими и социальными навыками персональной модернизации¹, поиска новых моральных оснований в условиях разрушения старой социальности и институционализации.

В социальных, политических и экономических теориях переходных эпох, самих этих эпохах запрашивается новый человек, способный к осуществлению стоящих перед ними задач. Теории персональной модернизации очень функциональны и даже оскорбительны для сторонников концепций целостного человека. Могу привести пример, когда тема диссертации моего аспиранта Н. Н. Кобелева «Персональная модернизация» не была утверждена Ученым советом Института философии РАН из-за негодования А. С. Панарина, считавшего, что модернизироваться может техника, социальные структуры, но не человек, и что эта тема упрощает человека до определенных функциональ-

но значимых черт. Во многом это справедливо. Однако в знаменитой работе А. Айнкельса и Д. Смита

«Становясь современным: индивидуальные изменения в шести развивающихся странах», в трудах Л. Диаманда и других теоретиков модернизации считается аксиомой, что переход общества из традиционного состояния в современное (т. е. его модернизация) сопровождается персональной модернизацией индивида, включающей в себя не только функционально запрашиваемые качества — узкую профессионализацию, экономический интерес, эффективность, планирование времени, но и ряд принципиальных социокультурных изменений — развитие рациональности, инновативности, формирования в себе субъекта творческой деятельности, способности быть персонально ответственным, привыкать к разнообразию взглядов, обретать личное достоинство, партикуляризм и оптимизм².

В данной статье я коснусь только образов человека, которые складываются в экономической науке в связи с модернизационными процессами в экономике и обществе. Результаты политической модернизации более известны. И при таком разделении на сферы неизбежны некоторые односторон-

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ (грант 06-03-00314а) и РФФИ (грант 06-06-80232а).

ности в запросе к качествам человека. Даже при попытке анализа персональной модернизации в целом интегрированность человека не является предметом интереса, не подразумевается, а если и предполагается, то концептуального выражения не находит. Важно другое: понять, существует ли частичный человек того или иного типа реально как социальный тип или в теориях модернизации моделируются его отдельные качества.

В экономической литературе рассматриваются способности и навыки человека, необходимые для производства экономического капитала. Это более функциональное определение модернизации, вполне отвечающее осуществленной А. С. Панариным критике, если оно будет рассматриваться как принятое всеми социальными науками, но, вместе с тем, весьма важное для самой экономики и экономической науки индустриального периода. В «новой» экономике постиндустриальных обществ Запада, основанной на информационных технологиях и применении знания, персональная модернизация включает овладение научными знаниями, полученными в результате образования. В социальных теориях это представление расширяется до способности к социальным инновациям и социальному предпринимательству, которое должно опережать технологические инновации ради предотвращения прежде неизвестных конфликтов.

ЧЕЛОВЕК В ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ: ПРЕДЕЛЫ ОНТОЛОГИЗАЦИИ

Экономические теории всегда предполагают наличие субъекта деятельности, адекватного теоретической модели того или иного направления экономического анализа. Специально посвятив свою книгу человеку в экономической теории, В. С. Автономов отмечает, что речь идет о детерминантах и способах поведения человека, и «главными компонентами такой модели являются... гипотеза о мотивации, или целевой функции экономической деятельности человека,

гипотеза о доступной ему информации и определенное представление о физических и, главное, интеллектуальных возможностях человека, позволяющих ему в той или иной мере добиваться своих целей»³. Далее цитированный автор, подчеркивая, что речь идет о теоретической модели, эксплицирующей отмеченные гипотезой черты человека в экономике, выделяет следующие концепты:

— идущий от А. Смита «компетентный эгоист» или «экономический человек» — действующий ради собственного интереса, обладающий компетентностью и сообразительностью в достижении своего экономического интереса, а также различающийся степенью своей активности в зависимости от своей роли в производстве и классовой принадлежности;

— гедонист, появляющийся у Дж. С. Милля и завладевший концепцией Дж. Бентама, в трудах которого капиталист предстает как целеустремленный и деятельный, экономный человек, а как человек, испытывающий отвращение к труду и стремящийся к работе своих средств ради наслаждения и стремления к «максимуму счастья»;

— немецкая историческая школа (Б. Гильдербрандт, К. Книс) утверждала, что человек в экономической теории — это эгоист, обогородивший это качество чувствами солидарности и справедливости;

— К. Маркс исходил из представления об общественной сущности человека, его развитии в предложенных обществом обстоятельствах, и видел главными фигурами капиталистических отношений капиталиста, получающего прибавочную стоимость, и экономически зависящего от него рабочего;

— моделью человека маржиналистской теории (у С. Джевонс, К. Менгер, Л. Вальрас) был «рациональный максимизатор», рационализирующий потребление, понимаемое как обмен благ, выражаемый через денежный эквивалент;

— попытка синтеза в теории А. Маршалла — основателя неоклассического направления — приводила, в результате, к пониманию экономики как науки, изучающей нор-

мальную жизнедеятельность человеческого общества, и к модели человека как обычного человека из плоти и крови, отличающегося определенным уровнем рациональности;

— согласно Дж. М. Кейнсу, обладающий неполной информацией и находящийся в состоянии неопределенности экономический субъект — это человек, который для рационализации ситуации прибегает к помощи более информированного государства⁴.

Данная типология людей, имплицитно или эксплицитно заложенная в соответствующие экономические теории, является полезным методологическим инструментом, теоретической абстракцией.

Как утверждает сам автор типологии, Смит не употреблял понятия «экономический человек», но в неявном виде его ввел. Этот тезис вызывает у меня большие сомнения. Дж. М. Кейнс отрицает применение Смитом термина «невидимая рука рынка». Истоки рассуждения Смита несколько другие. Он изучил задолго до «Богатства народов» в «Теории нравственных чувств» альтруистические свойства человека, его склонность к симпатии, сочувствию, способность поставить себя на место другого. В «Богатстве народов» он исследует эгоистические чувства, алчность, жадность, но показывает, что их носители могут послужить обществу, если направят их в экономику. Смит рассуждает, что пивовар ценен для нас не тем, что он добр, а тем, что варит хорошее пиво. Это занятие делает его полезным членом общества, а совокупность воли, интересов и качеств людей уравнивается в обществе. Будучи ценен обществу в этом отношении, он, тем не менее, контролируется обществом, а также моралью с тем, чтобы его стремление к наживе не превзошло границы и не вывело из-под контроля общества его дело. Смит как человеку верующему нелегко было вычленивать теоретическую абстракцию экономического человека из общественной целостности и божественной природы человека. Поэтому критика онтологизации экономического человека, превращение этого концепта из методологического средства

в легитимный результат человеческого развития в ходе капиталистической модернизации имеет важное значение. Как я уже показывала, если Смит и говорил о «невидимой руке» рынка (а Дж. М. Кейнс сомневается в этом), то это не означает, что он отрицал «невидимые руки» общества, морали, культуры, т. е. способность людей социализироваться не в ближайших средах соседства, родства, а в обществе в целом, в морали как социальном институте, в культуре как программе человеческой деятельности. Есть авторы, которые считают, что Смит говорил не о невидимой руке рынка, а о невидимой руке провидения. Он говорил о силе Бога, которая приводит божественное создание — общество в состояние уравнивания качеств его членов не посредством государственного вмешательства, а на уровне его собственной деятельности⁵. Как верующему человеку Смит нелегко давалась теоретическая абстракция экономики как особой сферы, человека в экономике как эгоистического человека. Он боролся с этим человеком не посредством моральной проповеди, а путем нахождения для него места в обществе, полезного для общества. Эта методологическая абстракция справедлива только в отношении основного актора капиталистического производства — капиталиста-предпринимателя, и в меньшей мере в отношении нанятых работников и остальных членов общества.

Полагаем, что «экономический человек» появляется не у Смита и даже не у Д. Рикардо, а в современных неолиберальных теориях, где сама природа человека мыслится как направленная на максимум удовлетворений (невольно включая сюда как экономический материальный успех, так и удовлетворение материальных потребностей) при минимизации издержек. Универсализация этой модели человека в экономической теории неолиберализма, особенно у Дж. Бьюкенна, М. Фридмана и других представителей Чикагской школы, связана с тем, что, во-первых, отмеченная природа человека мыслится как всеобщая; во-вторых, поскольку

исключения воспринимаются как особенности традиционных докапиталистических обществ или нехватка персональной модернизации в капиталистических; и, в-третьих, поскольку эта природа присуща, по мнению неолибералов, всем людям в обществе, а не только непосредственным акторам капиталистического производства.

Развитие общества потребления привело к тому, что модель «экономического человека» была распространена посредством социальных технологий на поведение тех, кто не был причастен к производству иначе, чем через потребление, но должен был проявить в нем чрезвычайную устремленность к максимуму удовлетворений и минимуму издержек, сформированную посредством символизации престижных и модных товаров. Потребительская идеология, пришедшая во многие страны раньше, чем возможность потреблять, привела к тому, что новый массовый человек обвиняется в разрушении трансцендентного (Ю. Хабермас), социального (Ж. Бодрийар и др.), политического (многие политологи), культурного (многие культурологи). Он становится «экономическим человеком» уже не только теоретически, но и онтологически. Теоретическая абстракция, которая не может быть до конца онтологизирована, получила свое предельно полное воплощение именно в «экономическом человеке». В посткоммунистических обществах значительная часть людей, особенно молодежи, оказалась соблазнена потребительской идеологией, но не для развития производства, что произошло на Западе и в новых индустриальных странах Азии, а для участия в гедонистическом соревновании небольшого круга лиц и гедонистическом мечтании для остальных. Для многих людей в посткоммунистических странах деньги, удовольствия и потребление, нежелание трудиться, но стремление иметь максимум вознаграждений при минимизации трудовых издержек стали формой реального существования «экономического человека». И все же и здесь «экономический человек» не восторжествовал полностью.

Деньги для многих играют роль фактора, рационализирующего трудовые усилия. Многие осуществили или продолжили персональную модернизацию совсем не по модели «экономического человека».

Сделаем некоторые выводы. Они состоят в том, что имплицитно или эксплицитно присутствующая в экономических теориях та или иная модель человека мысленно конструирует различные социальные реальности. Онтологизация теоретической модели дает разные онтологии не только экономических отношений, но и общества в целом.

Как показывает известный экономист, член-корреспондент РАН, заместитель директора ЦЭМИ Г. Б. Клейнер, «экономический человек» — модель неоклассики, в которой главным объектом исследования является экономический агент, а предметом исследования выступают его действия на рынке. Но неоклассика и в ней неолиберализм — не единственная парадигма экономической науки. Есть две другие.

Большое значение сегодня имеет парадигма институциональной экономики. Здесь «действия агентов разворачиваются не «в чистом поле» свободного рынка, а в сильно «пересеченной местности», наполненной разнообразными институтами — организациями, правилами, традициями и т. п. Побудительными мотивами действий агентов являются не столько попытки обеспечения максимальной прибыли, сколько стремление к соответствию данного агента институциональным нормам и правилам, к улучшению своего положения в рамках этих институтов»⁷. Объектом исследования становится не агент, а институт. Предмет экономической науки — отношения агентов и институтов. Модель человека — человек институциональный⁸.

Третья парадигма экономических исследований — эволюционная. В ее рамках «поведение агентов рассматривается в контексте факторов эволюционного характера и требует обнаружения и изучения механизмов, аналогичных механизму наследования генотипа агента, популяции агентов, общест-

ва в целом»⁹. Объект исследования — популяция агентов со сходным социально-экономическим генотипом. Предмет изучения — поведение агентов, исходя из наследственных и приобретаемых факторов¹⁰.

Можно предположить, что динамика парадигм экономического знания все больше соответствует переходу от восприятия экономики как системы хозяйства к встраиванию ее в общество и социальный порядок, чему посвящен институциональный подход, а также к рассмотрению ее в контексте исторической эволюции той или иной общественной системы и ее хозяйственной деятельности. Выделяемые в разных парадигмах типы агентов — экономический человек, институциональный человек и человек, одновременно наследующий и приобретающий новые навыки экономического и социального поведения свидетельствуют о расширении границ персональной модернизации. Как я уже показала, экономический человек действует в узком пространстве потребительских ожиданий и в большей степени соответствует потребительским ожиданиям не агента капиталистических отношений, а персонажа, заполняющего пустоту досуга потреблением. Здесь минимальная рационализация поведения. Реальные же агенты экономических отношений могут ставить не только экономические, но и творческие задачи, ориентироваться не на этику успеха, а на этику дела и ответственности, хотя, конечно, эпоха посткоммунистического грюндерства породила «новых русских» и прочих «новых» часто в облике не столько экономического (рационального) человека, сколько человека эгоистического, алчного, некультурного, умеренного. По прошествии времен они стали либо исчезать, не выдержав конкуренции более рациональных производителей, либо эволюционировать в сторону большей рациональности.

Сравнивая «человека экономического» и «человека институционального», Г. Б. Клейнер отмечает направленность целей первой группы на максимизацию материальных благ, а второй — на упрочение своего поло-

жения и статуса в обществе. Но акторы капиталистического производства в своей реальности могут становиться экономическими людьми, только если они, работая за прибыль, живут ради прибыли, а будучи ориентированы на максимум потребления, в том числе и символического престижного, живут ради этого потребления. Кроме того, «экономический человек» становится реальным продуктом неолиберальной политики, ее социальных технологий, полностью реализуясь в материальной сфере и сфере рынка, ограничивая при этом не только себя, но и эти сферы. Такая замкнутость экономической среды противоречит целям ее собственного развития. Работая на прибыль, можно однако не жить прибылью, равно как, работая за деньги, не жить ради денег.

Стремясь к положению в обществе и статусу, можно быть институциональным человеком, живущим этим статусом, а можно не быть им, стремясь к статусу как рациональному средству осуществления иных целей, например, творческих, социально-преобразующих, дающих новые степени свободы, позволяющих больше сделать, и, следовательно, не быть институциональным человеком.

Следовательно, онтологические воплощения человека из моделей экономических теорий могут быть разными, в том числе и противоречащими самим этим моделям.

Однако в любом случае заявленная в них функциональность, частичность ставит вопрос о том, как человеку в ходе персональной модернизации, особенно экономической, не потерять свою универсальную сущность.

Этому способствуют три процесса: межпарадигмальный синтез, приводящий к модели более целостного человека; пересмотр перспектив капиталистических отношений и появление неокapиталистических теорий, в частности связанных с иным прочтением Смита, введением понятий внеэкономического капитала; осознание роли идеальных факторов в экономическом развитии и, тем более, в развитии человека.

*ВНЕЭКОНОМИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ
КАК НОВЫЙ ФАКТОР ТРАКТОВКИ
ПЕРСОНАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ*

Сегодня политэкономические теории капитализма преобразуются с учетом задач «новой экономики» и запросов на творческую личность. Западным ученым и организациями (Всемирному Банку, Организации Экономического Сотрудничества и Развития) принадлежит заслуга в разработке таких понятий, как социальный, человеческий, культурный и символический капитал. ООН использует более абстрактные характеристики: социальный, человеческий, культурный и символический потенциал. С одной стороны, эти понятия показывают воздействие экономики на осмысление социальных, образовательных, культурных и символических процессов. С другой стороны, они являются свидетельствами того, что экономический капитал не является самоценным и доминирующим, что экономика и экономическая наука испытывают влияние других отраслей и научных дисциплин.

Обращение к понятию «человеческий капитал» — это попытка ответа на вызовы времени в отношении человека, который в условиях быстрых трансформаций теряет прежде присущие качества нередко без обретения новых.

Этому противостоят идеи внеэкономического капитала. Внеэкономический капитал как характеристика общества, человека, культуры отвоевывает у экономики свое особое пространство.

Человеческий капитал в неокapиталистической теории — это иное истолкование идеи Адама Смита о значении специальных свойств индивида, необходимых производству и обществу. Теории культурного капитала дают иную трактовку человека, характеризуя те его свойства, которые необходимы не только для производства и общества, но для его саморазвития. К культурному капиталу относят также культурные достижения обществ и народов.

К этому примыкает идея символического капитала, рассматривающая культуру как

символическое пространство, — концепция, исключительно важная для характеристики новых «виртуальных» реальностей в обществе потребительских ожиданий. Экономика подверглась не меньшей символизации и виртуализации в потребительском сознании, чем другие феномены.

На концепцию внеэкономического капитала работают понятия «интеллектуальный капитал», «творческий капитал». Философы говорят также об экономическом, социальном, человеческом, культурном, символическом, интеллектуальном творческом потенциалах.

Человечество в отдельных обществах проходило ряд переломных эпох (огораживание, промышленная революция, постиндустриальная революция, посткоммунистическая революция), когда все казалось рухнувшим, но это состояние может быть либо временным, либо ведущим к распаду общества. Его восстановление осуществляется не только духовными революциями, но и объективной логикой социальных процессов. Часто спасает направленность объективной логики развития на частичное восстановление прежних ценностей и формирование новых, на собственную потребность всегда господствующей в эпоху сломов экономической адаптации в ценностных основаниях, но и на потребность общества и человека в них.

Прослеживается линия эволюции западного капитализма: истоки капитализма в протестантской этике и росте экономической рациональности (М. Вебер), разделении труда, переходе от механической солидарности к органической (Э. Дюркгейм); переход от аскетического, трудового капитализма к гедонистическому, потребительскому на Западе 60-х годов XX века; размывание черт западного и не западного капитализма в условиях глобализации; лучше всего описываемая с помощью концепции В. Зомбарта неокapиталистическая трактовка сегодняшних постиндустриальных сдвигов на Западе и ее значимость для глобального и локального менеджмента социальных трансформаций. Запад перестает быть универсальной мо-

делью развития. Появляются автохтонные капитализмы, становящиеся крупными игроками глобального рынка при освоении экономического механизма капиталистической экономики по типу глокализации (термин английского социолога Р. Робертсона, сконструированный из двух слов — глобальное и локальное), — глобальный рынок, локальная культура. Не капиталистическая экономика сметает культуру нового капиталистического общества, а его культура приспосабливает к себе экономический механизм. Такие тенденции заметны в сегодняшней России, в новых капитализмах Азии. В Китае бурный рост рыночных отношений и высочайшие темпы роста осуществляются под прикрытием двух защитных слоев — многотысячелетних цивилизационных норм и правил и коммунистического правительства.

¹ Некоторые бы сказали о Западе — постмодернизации, но я предпочитаю говорить о новой модернизации, разделяя мнение Ю. Хабермаса, Э. Гидденса, С. Лэша о переходе Запада в новую современность и их идею незавершенности «проекта модерна».

² См.: Inkeles A., Smith D. *Becoming Modern: Individual Change in Six Developing Countries*. Cambridge. 1974. P. 15-35.

³ Автономов В. С. *Человек в зеркале экономической теории: (Очерк истории западной экономической жизни)*. М., 1993. С. 4.

⁴ Там же. С. 9-52.

⁵ См.: Федотова В. Г. *Хорошее общество*. М., 2005. С. 46, 54, 58, 239; Колпаков В. А. *Будущее капитализма в исторической ретроспективе: От общества для рынка к рынку для общества* // *Политический класс*. 2006, №8. С. 75-83; Федотова В. Г. *Будущее капитализма в исторической перспективе. Начало эпохи нового капитализма* // Там же. С. 85-93.

⁶ См.: Клейнер Г. Б. *Эволюция институциональных систем*. М., 2004. С. 5.

⁷ Там же.

⁸ См. также: *Homo Institutus. Человек институциональный*. Под ред. О. В. Иншакова, 2005; Быченков В. М. *Институты. Сверхколлективные образования и безличные формы социальной субъектности*. М., 1996.

⁹ Клейнер Г. Б. *Указ. соч.* С. 7.

¹⁰ Там же.

(Окончание следует)